

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН В ГОДЫ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ (1990-Е ГОДЫ)

О.М. Вербицкая

Аннотация. В статье подчеркивается, что к началу 1990-х гг. у России уже был свой проект аграрной реформы, рассчитанный на последовательную реализацию в течение 10–15 лет. Однако руководство новой России предпочло западный вариант, на котором настаивали иностранные эксперты, то есть «шоковую терапию», ускоренную приватизацию колхозов и совхозов, их земли и имущества. Проведенная в очень краткие сроки аграрная реформа вызвала банкротство аграрных предприятий, безработицу и резкое снижение жизненного уровня населения. Положение сельских женщин особенно ухудшилось — в статье приведены данные о тяжелых условиях их труда, профессиональных болезнях и травматизме. Снизилась средняя продолжительность жизни. Среди безработных их было большинство, хотя профессиональный уровень женщин был выше, чем мужчин. Многие мужчины в поисках работы уезжали из села, и все заботы о семье и детях возлагались на женщин. Чтобы прокормить детей, женщины очень много работали в своих семейных хозяйствах. В это трудное время внутри сельской семьи происходили большие перемены: роль мужчины — как семейного лидера снизилась, зато возросла роль женщины.

Ключевые слова: варианты аграрной реформы, либерализация, «шоковая терапия», приватизация, позиция государства, аграрное производство, безработица, труд женщин, профессиональная заболеваемость, жизненный уровень, алкоголизм, отход от традиционности в семье.

AGRICULTURAL POLICY AND RURAL WOMEN
IN THE YEARS OF MARKET REFORMS (1990'S)

О.М. Verbitskaya

Abstract. The article emphasizes that by the early 1990s Russia already had its own project of agrarian reform, designed for consistent implementation within 10–15 years. However, the leadership of the new Russia preferred the Western option, which was insisted on by foreign experts, that is, “shock ther-

apy”, accelerated privatization of collective and state farms, their land and property. The agrarian reform carried out in a very short time caused bankruptcy of agricultural enterprises, unemployment and a sharp decline in the living standards of the population. The situation of rural women particularly deteriorated — the article presents data on their difficult working conditions, occupational diseases and injuries. Life expectancy decreased. The majority of the unemployed were women, although their professional level was higher than that of men. Many men left the village in search of work, and all the care of the family and children was entrusted to women. To feed the children, women worked very hard in their family farms. During this difficult time, there were great changes within the rural family: the role of the man as the family leader decreased, but the role of the woman increased.

Keyword: *Options for agrarian reform, liberalization, «shock therapy», privatization, position of the state, agricultural production, unemployment, women’s labor, occupational morbidity, standard of living, alcoholism, departure from tradition in the family.*

В начале 1990-х гг. в России прошла радикальная аграрная реформа, направленная на слом неэффективной колхозно-совхозной системы и замену ее рыночным механизмом. Взятый новый курс свидетельствовал о крутом повороте в аграрной политике России — на развитие сельского предпринимательства и создание конкурентной среды в сельскохозяйственном производстве.

К этому времени в России уже имелась в общем виде концепция аграрной реформы, были обозначены основные этапы предстоящего перехода — от социализма к рынку. И эта концепция, хоть и предполагала множество радикальных мер, все же представляла демократический вариант постепенной трансформации аграрной подсистемы, рассчитанный, главным образом, на эволюционный путь. Предполагалось, что вследствие этого переход к рыночной экономике может занять минимум 10–15, а то и 20 лет. Только за такой

период можно было полностью демонтировать советскую административно-командную систему и создать основные рыночные институты [1, оп. 5, д. 626, л. 51, 62].

Однако к концу 1991 г. в высших структурах власти возник настрой на быстрый слом прежнего экономического механизма в аграрном секторе, что стало явной уступкой Западу (США, Евросоюзу и Международному Валютному фонду), которые настаивали на ускоренном характере преобразований, особенно приватизации госпредприятий. Западные аналитики настаивали на резком сокращении зарплат, пенсий и мер по социальной защите населения, предупреждая, что подобный сценарий реформ в России, хоть и может привести к массовым увольнениям и безработице, зато потом заметно ускорит рост экономики. Более того, если все же будет предпочтен российский вариант, эксперты настоятельно рекомендовали западным странам не предо-

ставлять кредитов России [1, оп. 4, д. 1795, л. 1-34; 2, с. 11].

Представляется, что именно это давление на Россию окончательно склонило Президента Б. Ельцина к выбору западного варианта и отказу от отечественного проекта. Во всяком случае, в своем Указе от 27 декабря 1991 г. «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» он потребовал от колхозов и совхозов немедленно начать реализацию аграрной реформы, и для этого отводил невероятный срок — всего в 2 месяца (до 1 марта 1993 г.). За это время было необходимо провести комплекс мероприятий — реорганизовать сельскохозяйственные предприятия; провести инвентаризацию их земель и имущества, приватизировать их в виде бесплатной раздачи земельных паев и имущественных долей работникам и пенсионерам; собраниям трудовых коллективов предстояло выбрать новый организационно-правовой тип своего хозяйства. Финальным аккордом аграрной реформы должна была стать их перерегистрация в местных органах власти уже как рыночных организационно-правовых структур.

Одновременно со стартом аграрной реформы проходила либерализация цен на товары и услуги, вызвавшая настоящий финансовый шок. Быстрый рост цен на горючее, сельскохозяйственную технику, удобрения и пр. разорили большинство сельскохозяйственных предприятий и негативно отозвалось на положении россиян, проживавших в сельской местности. Негативное значение имела и позиция самого государства в рыночных преобразованиях: ведь обоснование необходимости ры-

ночной реформы принадлежала государству, но его роль на практике неожиданно оказалось очень далекой от того, на что рассчитывали реформаторы. С самого начала оно резко сократило финансирование отрасли, прекратило предоставлять аграрному сектору средства в требуемом объеме, и уже на этапе 1990–1994 гг. государственные инвестиции в аграрную отрасль снизились практически в 8 раз: с 70,4 млрд. до 9,1 млрд. руб. в сопоставимых ценах 1991 г. [1, оп. 5, д. 612, д. 626, л. 96-97, 51]. Это вызвало масштабный упадок всей сельскохозяйственной отрасли, ведь прекращение государственного финансирования предприятий лишало их возможности обновлять материально-техническую базу, покупать горюче-смазочные материалы и удобрения. Без техники, машин и других необходимых ресурсов аграрная отрасль довольно быстро подошла к порогу «деиндустриализации», т.е. резкому сокращению доли механизированного труда, что в конечном итоге и привело к деградации. В аграрной политике государства было допущено немало и других серьезных ошибок, например, чрезмерное увлечение реформированием собственности при явно недостаточном внимании к развитию сельской рыночной инфраструктуры. В итоге получилось, что советская система сбыта и снабжения была разрушена, а новая фактически не появилась.

Вопрос об оценке общей эффективности проведенной аграрной реформы неоднозначен, хотя даже простое обращение к официальной статистике, которая и есть важнейший источник для выводов об успехе или

провале преобразований, уже показывает далеко не радостную картину. На этапе земельной реформы, предпринятой с целью разгосударствления собственности на землю, впервые за многие годы была введена частная собственность и осуществлен ряд мероприятий по приватизации земли и имущества колхозов и совхозов. В результате институциональных перемен выделилось 3 основные группы земельных собственников: сельскохозяйственные предприятия нового типа — наследники колхозов и совхозов; крестьянские (фермерские) хозяйства; крестьянские частные хозяйства, трансформировавшиеся из бывших ЛПХ. Каждая из этих групп положила начало формированию соответствующего экономического уклада, а в целом создание многоукладности в аграрном секторе следует расценивать как несомненно позитивный итог реформы. Отметим и то, что благодаря земельной реформе в общей сложности около 40 млн. граждан Российской Федерации получили земельные участки, в том числе и 12 млн. сельских жителей [3, с. 243].

К сожалению, одновременно в сельском хозяйстве и жизни села в целом, за период 1990-х гг. произошло немало деструктивных явлений. Закономерным следствием расформирования колхозов и совхозов стало массовое банкротство сельскохозяйственных организаций. Все они испытывали колоссальный дефицит ресурсов, поэтому нормально вести производство не могли даже те из них, которые еще могли работать. Отсутствие ресурсов — одна из причин того, что за 10 лет рыночных преобразований (с 1990 по 1999) об-

рабатываемые пахотные земли России сократились примерно на четверть. Недопустимым итогом стало и непрерывное, год от года, падение сельскохозяйственного производства: в одной зерновой отрасли за это время практически наполовину упали валовые сборы, прежде всего, вследствие серьезного сокращения посевных площадей. В итоге зерновое производство — основная отрасль аграрного сектора, опустились до уровня далекого 1956 г. Иными словами, отставание в данном отношении составляло 40–45 лет, и было потеряно все, чего отрасль добилась за эти годы. Еще хуже обстояло дело в животноводстве, особенно в коллективных предприятиях, где поголовье скота к 2000 г. уменьшилось в 2,5 раза. Обобщающим показателем экономического развития аграрного сектора служит производительность труда, которая в сельском хозяйстве России за время реформы тоже резко упала — на 30%. Валовые объемы производства в аграрном секторе снижались ежегодно, вплоть до 1998 г., на который пришелся «пик падения» — всего 56% от уровня 1990 г. [4, с. 87-89].

Что касается социального возрождения российского села, то общий ход аграрной реформы показал, что в основном из-за отсутствия финансов, руки реформаторов так и не дошли до этих непростых вопросов. В первую очередь, аграрная реформа нацеливалась на слом колхозно-совхозного строя и приватизацию их земли и имущества, но сельских жителей, получивших возможность свободно выбирать форму ведения хозяйства, эта реформа богаче не сделала.

Пожалуй, наиболее наглядным и убедительным итогом неуспеха аграрной реформы 1990-х гг. стало резкое ухудшение уровня жизни сельского населения. На этапе переходного периода тяжелейшее финансовое положение сельхозпредприятий, безработица, мизерные и нерегулярные выплаты работникам, пенсий старикам и копейных пособий на детей — стали основными факторами массового распространения бедности на селе. Сельская бедность была столь глубока, что реальный уровень жизни на селе, по официальным данным, на 1/3 уступал даже установленному в стране прожиточному минимуму, а доля бедных семей (с доходами ниже этого минимума) в 1992–2002 гг. колебалась около 25–30% [5, с. 140–149; 6].

Многие сельхозпредприятия в тяжелейших условиях банкротства и дефицита ресурсов увольняли своих работников. Именно с этого впервые за многие десятилетия в российской деревне началось снижение занятости и безработица. Постоянно разрастаясь, безработица надолго стала непременным атрибутом сельской жизни. Накануне реформы в 1990 г. в сельском хозяйстве России работало 9,7 млн. человек, в 1997 г. — 8,6 млн., а в 2003 г. — уже лишь 7,2 млн., т.е. число занятых в предприятиях аграрного сектора РФ снизилось почти на четверть, или на 2,5 млн. человек. В целом по сельской местности уровень безработицы был в 1,6 раза выше, чем в городе. Примерно каждый пятый житель села потерял формальную занятость и стал безработным [7, с. 55], и это с учетом того, что сфера приложения труда в сельской местности очень узка — лишь аграрное производство и социальная сфера.

Особенно от безработицы страдали женщины, главным образом, ранее работавшие в непроизводственной сфере (детские, школьные, медицинские учреждения, предприятия питания, торговли и связи и т.д.), которые повсеместно закрывались на селе. Женщины, по имеющимся данным, в 1990-е гг. среди сельских безработных составляли подавляющее большинство (64%). Те из них, кто еще имел работу, были заняты в основном в низкооплачиваемых бюджетных организациях деревни (42,4%), их там было в 3 раза больше, чем мужчин. Кроме того, они работали и у фермеров (21,3%), в домашнем хозяйстве (20,6%). Что касается нарождавшейся на селе новой сферы приложения труда — агробизнеса, там практически все было захвачено мужчинами, и их было в 3 раза больше [8, с. 222–252; 9].

Тяжелее всего жилось матерям-одиночкам: кроме ежемесячного пособия в 200 руб. на ребенка по закону им ничего больше не полагалось. В тяжелейшем положении пребывали те из них, кто до декретного отпуска нигде не работал — они могли рассчитывать лишь на получение единовременного пособия по рождению ребенка. Только когда ребенку исполнялось 1,5 года, мать могла рассчитывать на мизерное детское пособие. В то же время, при всей сложности найти работу на селе, ситуация для них еще больше осложнялась, так как с маленькими детьми на работу нигде не брали и даже общежития не давали [10, с. 110].

Положение сельских женщин на всем протяжении трансформационных преобразований оставалось исключительно неблагоприятным. Доля их труда в сельском хозяйстве

России традиционно была высока — даже при сокращении производства и общего числа занятых женщины в нем составляли 38% (в 1996 г.). Особенно много их было в животноводстве: одних доярок — почти 600 тыс. человек. Условия труда женщин, работавших в сельском хозяйстве, в большинстве регионов РФ трудно было назвать благоприятными. Их труд был не просто физически тяжел, но еще и опасен для здоровья. Наиболее вредные условия сложились в животноводстве, где производственные помещения примерно на 80% были оснащены устаревшей техникой. Повсеместно господствовал физический труд: 2/3 женщин — операторов машинного доения, вручную подавали корма коровам, сами же убирали помещения, а их рабочий день длился по 14-16 часов (с учетом перерывов). Увеличение физических нагрузок при повсеместном нарушении технологического режима работы у работниц — животноводов, нередко сопровождалось производственным травматизмом и профессиональными заболеваниями. Из материалов Государственного Комитета РФ по статистике следует, что ежегодно среди работников сельского хозяйства производственные травмы получало около 30 тыс. женщин, или 1/4 общего числа пострадавших [1, оп. 4, д. 2447, л. 39, 54]. Основными причинами, по которым женщины в сельскохозяйственном производстве получали профессиональные заболевания, травмы или подвергались различным отравлениям, служили многочисленные нарушения техники безопасности и пренебрежение средствами индивидуальной защиты. Следует учитывать и общую

специфику труда в сельском хозяйстве, когда постоянно приходилось иметь дело с неисправными механизмами, прилагать большие физические усилия, что тоже влекло за собой профессиональные заболевания и даже инвалидизацию. Только за период с 1992 по 1997 гг. доля женщин с такими диагнозами поднялась с 27% до 35% к общему числу работников сельского хозяйства. В структуре их профзаболеваний преобладали болезни опорно-двигательного аппарата (52,4%), бруцеллез (28,2%), заболевания органов дыхания (7,2%) и др. [10, с. 207]. Неудивительно, что медицинские осмотры постоянно выявляли профессиональные заболевания почти у 80% данного контингента работников. У доярок, например, к 25-30 годам имелось уже их как минимум три (полиартрит, вегетативный полиневрит /заболевание нервной системы/, радикулит, дерматит и пр. [12, с. 64] Среди причин смертности сельских женщин в трудоспособном возрасте лидировали разного рода несчастные случаи, отравления и травмы; затем — болезни системы кровообращения. Смертность на селе по данным причинам значительно превосходила соответствующие показатели в городе [1, оп. 4, д. 2447, л. 54-55].

Реальное положение женщин на сельском рынке труда не соответствовало уровню их профессионального образования, который в целом был выше, чем у мужчин. В конце 1990-х гг., несмотря на то, что профессиональную подготовку имело 60,2% занятых женщин и только 46,5% мужчин, общий уровень занятости женщин (49,9%) примерно на 10% был ниже. Женщины подверга-

лись большей дискриминации и при зачислении на работу, при увольнении, а предприниматели и другие работодатели, как правило, игнорировали государственные нормативы, предпочитая все равно набирать на работу мужчин [13, с. 16, 17].

Средняя продолжительность жизни сельских женщин за 10-летие труднейших социально-экономических перемен, по сравнению с 1990 г. снизилась на 2,6 года — с 73,9 до 71,3 года, в том числе только за 2002 г. — на 0,5 года. По величине данного показателя жительницы села в начале XXI в. уступали горожанкам почти 1 год [14, с. 23-24]. И хотя индивидуальный потенциал здоровья у женщин, по мнению специалистов, почти на 10% ниже, чем у мужчин, общая продолжительность предстоящей жизни у них на 12-14 лет выше. Этот парадокс объясняют тем, что организм женщины — хранительницы человеческого рода, устойчивее и стабильнее, и хотя они чаще болеют, но ведут более здоровый образ жизни. У мужчин же слабее инстинкт самосохранения, больше приверженность к алкоголизму, а значит, выше шансы умереть в молодом возрасте. Мужчины больше склонны к риску, радикальной перестройке жизни, смене профессии и т.д. [15, с. 33].

В результате к 1999 г. по сравнению с 1990 г., разрыв в продолжительности жизни сельских мужчин и женщин еще больше вырос: женщины жили почти на 14 лет дольше. В 1999–2000 гг. они имели шанс даже пожить еще на пенсии (после 55 лет), в то время как многие сельские мужчины до пенсионного возраста (60 лет) просто не дотягивали. В итоге индекс средней продолжи-

тельности жизни мужчин на селе упал до рекордно низкой отметки — времен Великой Отечественной войны. В целом самый губительный след на ухудшении здоровья и соответственно, на снижении продолжительности жизни сельских россиян, оставила попытка слишком скорого и крайне болезненного перехода к рыночным отношениям, а также экономический кризис, на фоне которого еще больше проявилась общая неэффективность работы системы здравоохранения в стране [14, с. 20].

Сельские матери имели все основания в большей мере, чем горожанки, тревожиться за своих детей, здоровье которых тоже быстро ухудшалось. Кроме того, из-за фактического развала системы сельского здравоохранения значительная часть детей, как и взрослые, фактически лишилась возможности получать квалифицированную врачебную помощь. Резкое падение уровня жизни на селе во многих семьях сопровождалось недоеданием. В газетах 1990-х гг. публиковалось немало сообщений о голодных обмороках детей на селе. Сельский учитель Б.К. Антонов (с. Воскресенское Лежневского района Ивановской обл.) писал в «Крестьянской России»: «Село сидит без зарплаты... Дети механизаторов в школе в обморок падают от голода. А мы, педагоги, получаем меньше столичных дворников» [16].

Кроме того, период «шоковых трансформаций» в России совпал с происходившим отходом сельской семьи от традиционности в семейно-брачной сфере в направлении социального партнерства супругов. Все больше ощущалось и моральное доминирование женщин, обусловлен-

ное их гораздо более высокими адаптационными способностями и самодостаточностью на фоне ухудшавшегося положения мужчин, многие из которых не находили себя в рыночных условиях, были вынуждены в поисках работы покидать родные места. При этом все заботы о содержании семьи, детей и хозяйства опять же возлагались на женщин, а мужчины все больше теряли былое лидирующее положение в семье.

Роль женщин в семье и сельском социуме вообще на этапе трудного перехода к рынку поднялась еще больше — они очень много работали, даже если не имели формальной занятости, отдавали свое время и силы не только воспитанию детей, но и полностью выкладывались в подсобном и домашнем хозяйстве. Как правило, в эти годы стал более ощутимым и вклад женщин в семейный бюджет, хотя бы потому, что они тратили больше времени, чем мужчины, на работу в подсобном хозяйстве, производя продукты питания для семьи, да еще частично продавая их на рынке, тем самым зарабатывая столь необходимые денежные средства. Социологи выяснили, что у женщин из-за их постоянного труда почти не оставалось свободного времени, а общая разница в его наличии по сравнению с мужчинами на всем протяжении 1990-х гг. доходила до 8–9 часов в неделю [17, с. 21].

За женщинами в эти годы все чаще оставалось и решающее слово в семейных спорах, поскольку они не только своим трудом обеспечивали семью, но и умели более экономно и рационально расходовать средства. Нередко важнейшей причиной, по которой сельские семьи лишались

мужского лидерства, становилась духовная деградация части мужчин, их социальная и экономическая пассивность, пьянство и даже наркотики. Исследователи отмечают, что в конце XX века очаг семейной напряженности в сельской семье постепенно смещался от ранее острого «положения женщины» к «положению мужчины» [там же, с. 20].

Объективность и суровая правда сельской жизни 1990-х гг. требуют отметить, что тревожным сигналом общего неблагополучия и следствием сверхзанятости женщин-матерей, тружениц и т.д. все в большей мере становилась их алкоголизация на фоне сильно возросшего за эти годы пьянства мужчин. Специалисты, проводившие мониторинги села, констатировали быстрый рост алкоголизации женского населения, которая, хоть и затронула в 5-6 раз меньше женщин, чем мужчин, все же по своим темпам прироста обогнала число мужчин, пораженных недугом пьянства. Только за 2 года (2001–2002) число учтенных женщин с хроническим алкоголизмом (в расчете на 10 тыс.) возросло почти в 10 раз по сравнению с показателями по мужскому населению [18, с. 122].

Таким образом, неудачно прошедшие рыночные трансформации в России 1990-х гг. резко обострили материальные проблемы жителей села, вызвали массовое распространение безработицы и бедности. Это крайне негативно отозвалось на положении сельских женщин, многие из них потеряли работу и, чтобы выжить, были вынуждены еще с большей интенсивностью работать в приусадебном хозяйстве. В целом состояние их здоровья ухудшилось, а в ос-

ложнившихся экономических условиях им пришлось принять на себя еще больший груз ответственности за семью и детей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАРФ. — Ф. 10026.
2. Широкалова, Г.С. Аграрная реформа в России и развитие АПК в странах Запада [Текст] / Г.С. Широкалова — Н. Новгород: Нижегород. СХА, 1995. — 99 с.
3. Аграрное законодательство Российской Федерации: Сб. нормат. правовых актов и док. / сост. М.С. Пашова. — М.: Юристъ, 1999. — 699 с.
4. Вербицкая, О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–2002 гг. [Текст] / О.М. Вербицкая. — М. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 403 с.
5. Обзор экономики России: Основные тенденции развития // Рабочий центр экономических реформ при Правительстве России. — М., 2002. — № 1 (33) / отв. ред. Э.Б. Ершов. 2002. — 328 с.
6. Сельская бедность: причины и пути преодоления: Никоновские чтения, 2004. — М.: Всерос. ин-т аграр. проблем и информатики им. А.А. Никонова, 2004. — 452 с.
7. Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. Гос. комитет РФ по статистике (Госкомстат). — М.: Гос. ком. РФ по статистике, 1998. — 311 с.
8. Фадеева, О.П. Сельский труд // Россия, которую мы обретаем: исслед. Новосиб. эконом-социолог. шк. / В.А. Артемов и др.; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва. — Новосибирск: Наука, 2003. — 728 с.
9. Аналитический материал по социально-экономическому положению женщин, проживающих в сельской местности [Электронный ресурс]. — URL: www.cons.org.ru/news (дата обращения: 25.05.2012).
10. Мониторинг прав женщин в РФ: тысяча женских историй: Сборник аналитических материалов и результатов мониторинга // Гендерная тематич. группа орга-

низации системы ООН в РФ. — М.: ООО «Агентство Бонус-Медиа», 2008. — 255 с.

11. Прохоров, Б.Б. Здоровье населения России в XX веке [Текст] / Б.Б. Прохоров // Междунар. независ. экол. политолог. ун-т. — М.: МНЭПУ, 2001. — 275 с.
12. Михайлов, О. Женский труд и занятость на селе [Текст] // АПК: экономика, управление. — 1996. — № 5.
13. Бондаренко, Л.В. Социально-трудовая сфера российского села, год 2004 [Текст] / Л.В. Бондаренко // Состояние социально-трудовой сферы российского села: проблемы и пути их решения. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2004 г. (шестой выпуск). — М., 2005. — 168 с.
14. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию: Ежегодный доклад МСХ РФ и Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН по результатам мониторинга (пятый выпуск). — М., 2003. — 159 с.
15. Римашевская, Н.М. Развитие человеческого капитала России // Перемены в сельской России 1991–2003: оценки, подходы, методы / отв. ред. Т.В. Морозова. — Петрозаводск, 2005. — 280 с.
16. Крестьянская Россия. — 1995. — № 12.
17. Шафранская, Ч.Я. Сельская семья в трансформирующемся обществе (на матер. Республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. эконом. наук. — Казань, 2005. — 26 с.
18. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию // Ежегодный доклад МСХ РФ и Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН по результатам мониторинга 2004 г. (шестой выпуск). — М., 2005. — 168 с.

REFERENCES

1. *Agrarное zakonodatelstvo Rossijskoj Federacii: Sb. normat. pravovyh aktov I doc. sost. M.S. Paschova*, Moscow, Jurist, 1999, 699 p. (in Russian)
2. *Analiticheskij material po socialno-ekonomicheskomu polozheniju zhensctin, prozhivajusctih v selskoj mestnosti*, available at: www.cons.org.ru/news (accessed: 25.05.2012).

3. Bondarenko L.V., *Socialno-trudovaja sfera rossijskogo sela, god 2004, Sostojanije socialno-trudovoj sfery rossijskogo sela: problemy I puti ih reshenija. Ezhegodnyj doclad po rezultatam monitoringa 2004 g. (schestoj vypusk)*, Moscow, 2005, 168 p. (in Russian)
4. Fadejeva O.P., *Selskij trud, Rossija, kotoruiu my obretajem: Issled. Novosib. econom.- sociolog. schc*, V.A. Artemov I dr., ros. acad. nauk. Sib. otd-nije. In-t economici I org. prom. pr-va, Novosibirsk, Nauka, 2003, 728 p. (in Russian)
5. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoy Federatsii (GARF)*, F. 10026 (in Russian)
6. *Krestjanskaja Rossia*, 1995, No. 12. (in Russian)
7. Mihailov O., “Zhenskij trud I zaniatost na sele”, in: *APK: economica, upravlenie*, 1996, No. 5 (in Russian)
8. *Monitoring prav zhensctin v RF: tysiacha zhenskih istorij: Sbornic analiticheskikh materialov I rezultatov monitoringa*, Genderniaia Tematich. gruppa organizacii sistemy OON v RF. Moskva: OOO “Agentstvo Bonus-Media”, 2008, 255 p. (in Russian)
9. *Obzor ekonomiki Rossii: Osnovnyje tendencii razvitija, Rabochij Centr ekonomicheskikh reform pri Pravitelstve Rossii*, Moscow, 2002 (33), 2002, 328 p. (in Russian)
10. Prohorov B.B., *Zdorovie naselenija Rossii v XX veke*, Mezhdunar. Izd-vo MNEPU, 2001, 275 p. (in Russian)
11. Rimashevskaja N.M., *Razvitije chelovecheskogo kapitala Rossii, Peremeny v selskoj Rossii 1991–2003: otcenky, podhody, metody*, ed. T.V. Morozova, Petrozavodsk, 2005, 20 p. (in Russian)
12. Schafranskaja Ch.Ja., *Selskaja semja v transformirujusctemjsja obsctestve (na mater. Respubliki Tatarstan)*, Extended Abstract of PhD dissertation in Economy, Kazan, 2005, 26 p. (in Russian)
13. Schirocalova G.S., *Agrarnaja reforma v Rossii i razvitie APK v stranah Zapada*, N. Novgorod, Nizhegorod. s.h. acad., 1995, 99 p. (in Russian)
14. *Selskaja bednost: prichiny I puti preodolenija: Niconovskije chtenija*, 2004, Moscow, Vseros. in-t agrarnyh problem I informatiki im. A.A. Niconova, 2004, 452. (in Russian)
15. *Socialnoje polozenije I uroven zhizni naselenija Rossii. Stat. sb. Gos. Comitet RF po statistice (Goscomstat)*, Moscow, Gos. Comitet RF po statistice, 1998, 311 p. (in Russian)
16. *Sostojanije socialno-trudovoj sfery sela I predlozhenija po ejo regulirovaniju: Ezhegodnyj doclad MSH RF i Vserossijskogo NII ekonomiki selskogo hoziajstva RASHN po rezultatam monitoringa (piatij vypusk)*, Moscow, 2003, 159 p. (in Russian)
17. *Sostojanije socialno-trudovoj sfery sela I predlozhenija po ejo regulirovaniju: Ezhegodnyj doclad MSH RF i Vserossijskogo NII ekonomiki selskogo hoziajstva RASHN po rezultatam monitoringa v 2004 g.*, Moscow, 2005, 168 p. (in Russian)
18. Verbitskaja O.M., *Selskaja semja na etape socialno-economicheskikh transformacij 1985–2002*, Moscow; Saint-Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017, 403 p. (in Russian)

Вербицкая Ольга Михайловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр экономической истории, Институт российской истории, Российская академия наук, verb-olga@yandex.ru

Verbitskaia O. M., ScD in History, Chief Researcher; Center for Economic History, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, verb-olga@yandex.ru